

XXXII г.

№ 29

ПОЛИТИКИ И СОВРЕМЕННОЙ ЖИЗНИ.

г. XXXII

1901

Выданъ 21 июля 1901 г.

Выходитъ ежедневно (52 № въ годъ), съ приложениемъ 24-хъ книжекъ „Сборника“, содерж. соч. Г. П. ДАНИЛЕВСКАГО, 12 книгъ литературныхъ приложений, 12 №№ „Парижскихъ модъ“ и 12 листовъ чертежей и выкроекъ.

Цѣна этого № 15 к., съ пер. 20 к.

ПРОДОЛЖАЕТСЯ ПОДПИСКА на „НИВУ“ 1901 г.

Подписная цѣна годового изданія „Нивы“ со всеми приложениями на 1901 г.: 24 книги Сборника „Нивы“, содержающихъ полное собраніе сочиненій Г. П. ДАНИЛЕВСКАГО, 12 книгъ „Литературныхъ приложений“, и пр., и пр.

Безъ доставки въ Петербургъ.	5 р. 50 к.	Безъ дост. въ Москвѣ въ конторѣ Н. ПЕЧКОВСКОЙ, Петровскія линіи.	6 р. 25 к.	Безъ доставки въ ОДЕССѢ въ кн. маг. „ОБРАЗОВАНИЕ“, Ришельевская, 12.	6 р. 50 к.	Съ доставкою въ Петербургъ.	6 р. 50 к.	Съ пересылкою во всѣ мѣстности Россіи.	7 р.	За гра- ницу.	10 р.

На 1/2 года съ дост. въ СПБ. 1 р. 75 к., съ перес. иногор. 1 р. 75 к.; на 1/2 года съ дост. въ СПБ. 3 р. 50 к., съ перес. иногор. 3 р. 50 к.

Къ этому № прилагается выпускъ „Ежемесячн. литерат. приложений“ за Іюль 1901 г.

Пріятная бесѣда. Картина Г. Бюхнера, грав. Геданъ.

Д е н ь г и .

П о в ѣ с т ь

П . П . Г н ѣ д и ч а .

(Продолженіе.)

XXII.

Анатолій въ условленный часъ былъ дома. Наташа ждала его съ какимъ-то тайнымъ предчувствіемъ. Онъ спросилъ, гдѣ ея отецъ, и прошелъ къ нему въ кабинетъ. Старикъ чувствовалъ себя сегодня особенно дурно, былъ блѣденъ, на пальцахъ рукъ у него показались отеки. Анатолий поздоровался съ нимъ и сѣлъ противъ него въ кресло.

— Что вы сегодня какой?—спросилъ Александръ Дмитриевичъ.—Точно чѣмъ взволнованы?

— Да, я взволнованъ, — отвѣтилъ Анатолий, не глядя на него и разматривая узоръ на расписанномъ полу.

— Отчего?

— Я получилъ непріятную телеграмму. Умерла тети Варя.

— А!

Александръ Дмитриевичъ изумился и растерянно пощупалъ руками свои ноги, точно хотѣлъ удостовѣриться, — а онъ-то самъ живъ, или нѣтъ.

— Я сегодня їду, — сумрачно продолжалъ Анатолий.

— Что?—переспросилъ старикъ.—Ѣдешь? Зачѣмъ же? Ты даже на похороны не поспѣешь? Вѣдь ничѣмъ ужъ помочь нельзя?

— Но все-таки я долженъ быть тамъ.

— А здѣсь, здѣсь ты развѣ не долженъ?.. А, впрочемъ, виновать... Нѣтъ, конечно, тебѣ туда надо... Вотъ только если я вдругъ... тоже какъ твоя тетка?.. Съ кѣмъ же Наташа? А? Какъ же ты?.. Вѣдь что-жъ, дѣвушка одна! Ты долженъ помочь...

Анатолій нахмурилъ брови.

— Чѣмъ я могу помочь!—задумчиво сказалъ онъ.

— Какъ чѣмъ? Да всѣмъ...

— Александръ Дмитриевичъ, я хотѣлъ бы съ вами серьезно поговорить, — началъ онъ рѣшительно.

Александръ Дмитриевичъ запахнулъ халатъ.

— Въ чемъ дѣло? Что такое?

— Я пришелъ къ одному непріятному выводу въ течение послѣднихъ дней. Я не долженъ жениться на Натальѣ Александровнѣ.

Пенсне свалилось съ носа адвоката. Глаза смотрѣли съ недоумѣніемъ. Все лицо было жалкое, безпомощное. Анатолий скользнулъ по немъ взглядомъ и опять сталъ смотрѣть въ землю.

— Я не долженъ жениться, — повторилъ онъ.—Я анализировалъ свое чувство къ ней и не нашелъ его достаточнымъ для такого важнаго шага, какъ бракъ. Я виноватъ и передъ нею, и передъ вами; но лучше остановиться теперь, лучше теперь сообразить, пока еще есть время, чѣмъ потомъ каяться всю жизнь. Быть можетъ, это чувство временное, быть можетъ, оно пройдетъ, но я, какъ честный человѣкъ, обязанъ былъ вамъ сказать все откровенно.

— Какъ честный человѣкъ? — повторилъ Александръ Дмитриевичъ.—Да честный человѣкъ, конечно...

Онъ уронилъ платокъ, хотѣлъ нагнуться, чтобъ его поднять, но Анатолий предупредительно нагнулся и поднялъ.

— Я полагаю, — продолжалъ онъ:—что это чувство — колебанія временное, что наступитъ время, когда я снова возвращусь къ Натальѣ...

Лицо Александра Дмитриевича скривилось въ улыбку.

— Ты въ маѣ будешь возвращаться, а въ августѣ уходить?—спросилъ онъ.—Уходить и возвращаться, опять уходить и снова возвращаться; а мы, съ раскрытыми объятіями будемъ ждать тебя и радоваться возвращенію блуднаго жениха... Фу, какой ты...

— Договаривайте, — сказалъ Анатолий.

— Богъ съ тобой, не стѣбь. А только ты самъ, ты самъ это скажи ей. Я не въ силахъ. Я старъ и слабъ для этого. Доктора сказали, что нужно мнѣ одно, — покой.

Онъ всталъ, сдѣлалъ нѣсколько шаговъ по комнатѣ, потомъ остановился, оперся на столъ и глянулъ прямо въ лицо Анатолю.

— Скажите, вамъ бросали когда-нибудь въ лицо оскорбительное, низкое прозвище?

Анатолій смѣло посмотрѣлъ на него.

— Нѣтъ. Потому что знали, что я никакого оскорбленія не снесу и сумѣю отпарировать всякій ударъ.

— Такъ никто никогда не ударялъ васъ по щекѣ, — вотъ такъ, интимно, въ четырехъ стѣнахъ, безъ свидѣтелей, безъ послѣдствій по службѣ? Никто?

Анатолій невольно отодвинулся и тоже всталъ.

— Я понимаю ваше волненіе, — заговорилъ онъ:—и оставляю безъ вниманія всѣ ваши оскорбленія. Я виноватъ, но вы знаете, какъ трудно управлять своими чувствами? Лучше ли было бы, еслибы я черезъ годъ послѣ свадьбы пришелъ къ вашей дочери и сказалъ: «я разлюбилъ тебя», — а вѣдь это бываетъ на каждомъ шагу? Я во-время отдалъ себѣ отчетъ. Я увлекался вашей дочерью, — увлеченіе это прошло. Я готовъ говорить, что она мнѣ отказала, и предоставляю вамъ говорить тоже.

— Вонъ!—вдругъ крикнулъ Александръ Дмитриевичъ и, схвативъ лежавшую на столѣ книгу, пустилъ ее въ Анатолю. — Вонъ сейчасъ отсюда, — вонъ, пока я не убилъ тебя...

Испуганная Наташа вбѣжала въ комнату. Она кинулась къ отцу...

— Уходите, уходите!—говорила она Анатолю. — Уходите, — вы видите...

— Смотри, любуйся на него, — задыхаясь, продолжалъ старикъ.—Женихъ, любящій женихъ, — у него увлеченіе прошло, и онъ считаетъ себя въ правѣ бросить тебя... Онъ говоритъ: увлеченіе прошло, онъ увлекался!..

— Да уходите же!—крикнула Наташа.—Вы убьете его.

Анатолій наклонился, поднялъ съ полу книгу, ударившую его въ плечо, положилъ ее на столъ и, не глядя ни на кого, съ искривившимся ртомъ вышелъ изъ комнаты.

Старикъ тяжело дышалъ, сидя въ креслахъ. Дочь, вся въ слезахъ, стоя на коѣнахъ, прижимала свою голову къ его груди. Онъ гладилъ ее по волосамъ, по щекамъ и все крѣпче и крѣпче прижималъ ее къ себѣ.

— Ну, не плачь, не плачь о немъ — не стѣбь. Не стѣбь изъ-за него терять слезъ. Онъ правду сказалъ: лучше теперь, чѣмъ потомъ... Ну, что-жъ, мы еще пока живы. Я хоть и развалина, но все-таки постою за тебя и за себя... Вотъ все-таки—выгнать его. Только бѣ теперь вотъ, теперь, сейчасъ не умереть. Чтobъ не дать торжествовать ему...

— Живите вы: никого мнѣ кромѣ васъ не надо, — сказала Наташа.

Онъ повернулъ ея лицо къ своему.

— Никого не надо? — повторилъ онъ.—Да, — это хорошо... если никого не надо... Ну, что жъ — Корделія моя. Я, какъ старый Лиръ, скажу: «уйдемъ въ темницу и будемъ пѣть, какъ птички въ клѣткѣ; я тебѣ буду рассказывать старыя сказки; а люди пусть волнуются и пожираютъ другъ друга!»

Онъ прижалъ свою щеку къ ея молодой щекѣ и нѣсколько минутъ былъ неподвиженъ.

— Нѣтъ, — вдругъ сказалъ онъ, слегка отстраняя ее отъ себя. — Нѣтъ, — пора мнѣ умирать. Я мѣшаю тебѣ...

— Папа, папа, — что вы говорите. — Клянусь вамъ — вы одинъ въ мірѣ, кого я люблю, и кто мнѣ дорогъ.

Онъ опять ласково посмотрѣлъ на нее.

— Корделія, Корделія!..

— Слушай, — началъ онъ помолчавъ. — *Тотъ...* я не хочу его называть — *тотъ* пусть уйдетъ. Ты прости его. Я его прощаю. Все къ лучшему. Я его никогда не любилъ. Мы избавились отъ негодя, — и чудесно. Что было бы въ будущемъ — неизвѣстно. А теперь мы свободны. Слышишь — экипажъ подъѣхалъ? Это онъ за нимъ посылалъ. Платкомъ махать на прощанье не будемъ... Дай-ко мнѣ воды.

Она подала ему стаканъ; отъ отпилъ немного и поставилъ на столъ.

— Если я сегодня не умеръ, — это хорошо. Значитъ, у меня еще много силъ, много, — сказалъ онъ. — А только ослабъ очень. Дрянъ я сталъ, совсѣмъ дрянъ. Торопился жить и вотъ теперь — расплата... Фу! Тяжело, дружокъ, тяжело... Даромъ мнѣ все это не пройдетъ... И стоило горючиться? Да нельзя, надо было... А какъ мнѣ хотѣлось ударить его. Никогда, никогда я не билъ никого, но сегодня... сегодня я не могъ удержаться.

Онъ еще выпилъ воды.

— Ахъ, уѣзжалъ бы онъ скорѣй. Мнѣ противна мысль, что онъ тутъ. Позвони прислугу.

Вошла горничная.

— Господинъ еще съ утра уложился, — сказала она: — вещи ужъ отправлены на пристань. Сейчасъ онъ самъ уѣзжаетъ.

Старикъ усмѣхнулся.

— Съ утра. Не рѣшился сразу сказать... О-охъ, человечекъ!

Онъ задумался, тускло глядя на кисейныя занавѣски, слегка шевелившіяся отъ морского вѣтерка. Впрочемъ, трудно сказать, думалъ-ли онъ о чемъ-нибудь. Глаза его потеряли всякую осмысленность и смотрѣли прямо, точно въ даль. Топотъ лошадей напомнилъ ему о жизни.

— Я прилягу, — сказалъ онъ. — Ты знаешь, какое странное ощущеніе я сегодня испыталъ передъ тѣмъ, какъ проенутся. Мнѣ казалось, что я смотрю на себя со стороны, но на кровати лежалъ не я, а маленькій спеленутый ребенокъ, — такой, какимъ я былъ шестьдесятъ лѣтъ назадъ. И потомъ онъ сталъ расти. Онъ — это я. Онъ лежалъ на постели въ студенческомъ мундирѣ — совсѣмъ такой, какимъ я былъ, и пробормоталъ сбоку. — А потомъ студентикъ вытянулся, закрылся одѣломъ, повернулся навзничъ, и сталъ сухимъ, окоченѣлымъ мертвецомъ. И руки сложены на груди... Я проснулся, и съ тѣхъ поръ не спалъ. Теперь я бы заснулъ. Помоги мнѣ до кушетки.

Онъ всталъ, тихонько перешелъ комнату и осторожно, точно у него болѣли всѣ члены, опустилъ голову на подушки.

— Корделія! — повторилъ онъ, ласково взглянувъ на нее. — Корделія, не отходи отъ меня. Побудь здѣсь. Дай руку сюда, сядь. Вотъ такъ. Ну, вотъ...

Онъ закрылъ глаза. Потомъ открылъ, долго, внимательно посмотрѣлъ на дочь и сказалъ:

— Хорошо.

XXIII.

Передъ тѣмъ, какъ сѣсть на пароходъ, Анатолій зашелъ къ своей новой невѣстѣ, чтобъ проститься еще разъ. Но къ нему вышла Тотти и сказала, что Лена больна и принять его не можетъ, а никого больше дома нѣтъ.

— Ахъ, вотъ какъ! — сказалъ онъ. — Ну-съ, а я этому не вѣрю. Я полагаю, что это ваша интрига. Я не могу уѣхать, не увидѣвъ ея. Я не вѣрю вамъ.

— И не верьте, и не вѣрьте! — закричала Лена, появляясь въ дверяхъ. — Я здорова. Это она уговорила меня не выходить къ вамъ, и я по глупости, по безхарактерности согласилась. А теперь я увидѣла васъ въ щелку и поняла, что все это гадкія интриги... и ничего больше.

Тотти пожала плечами.

— Вы достойны другъ друга, — сказала она, уходя изъ комнаты.

— Я право начинаю думать, что вы здѣсь не гувернантка, а первое лицо въ домѣ, — сказалъ ей вслѣдъ Анатолій.

— А я начинаю думать, что здѣсь живутъ одни сумасшедшія, — сказала она и пошла въ садъ.

Ее глубоко возмущалъ и Анатолій, и Лена, принявшая его предложеніе. Она въ волненіи ходила по дорожкѣ. Передъ ней неотступно рисовалась Наташа. Ее неудержимо влекло къ ней. Она хотѣла придти къ ней и сказать все, что случилось здѣсь, въ этомъ наивно-патріархальномъ, но строго-коммерческомъ домѣ. Но она не знала, какъ посмотреть на ея визитъ и не истолкуютъ ли его въ дурную сторону: не подумаютъ ли, что она пришла изъ празднаго любопытства, чтобы посмотреть на покинутую невѣсту, и потомъ разнести по всему острову сплетни объ исторіи этого разрыва.

Она сѣла на свою любимую скамейку лицомъ къ морю. Ея зависимое положеніе болѣе чѣмъ когда-нибудь давило ее. Она готова была бы бѣжать съ закрытыми глазами куда угодно, хотя не знала въ сущности, на что она могла пожаловаться въ семьѣ Петропуло по отношенію лично къ себѣ. Къ ней были внимательны, даже слишкомъ внимательны: ей сразу заплатила мать за два мѣсяца впередъ жалованье, да кромѣ того надѣлала этихъ платьевъ. Дѣвочки любили ее, Костя безмолвно таялъ, — самъ старикъ былъ съ ней грубовато-вѣжливъ и считалъ ее за свою. Прискасть предлогъ уйти отъ нихъ было бы трудно, да и проклятыя деньги, забранныя впередъ, связывали ее. Она не можетъ ихъ возвратить, ихъ у нея нѣтъ. А вырваться надо: она просто задыхается здѣсь.

Или остаться? Этотъ женихъ уѣзжаетъ въ Россію. Раньше, чѣмъ черезъ мѣсяцъ онъ не вернется. Надо тѣмъ временемъ убѣдить дѣвочку, открыть ей глаза. Быть-можетъ, она должна это сдѣлать? Или пусть все идетъ своимъ чередомъ: пусть женятся, выходятъ замужъ, обманываютъ людей, и самихъ себя, — не все ли ей равно.

— Вы одинъ? — раздался робкій голосъ возлѣ нея.

Она повернула голову и увидѣла Костю. Онъ стоялъ передъ ней, весь переполненный восторгомъ.

— Вы видите, что одна, — сухо отвѣтила она.

— Ахъ, какъ рѣдко я вижу васъ глазъ на глазъ! — съ тихимъ вздохомъ сказалъ онъ.

— А зачѣмъ вамъ видѣть меня съ глазу на глазъ? — спросила она.

— Когда я васъ вижу одну, mademoiselle, — запинаясь заговорилъ онъ: — мнѣ кажется, что вы... что вы дышите, и говорите, и думаете...

Онъ запнулся и съ трудомъ закончилъ:

— Только для меня.

Она съ удивленіемъ подняла брови.

— Что? Только для васъ дышу?

— Я не такъ выразился... Я по-русски не могу такъ тонко сказать, какъ думаю. Я не въ этомъ смыслѣ. Я хочу сказать: я фантазирую, я обольщаю себя мыслью... Я знаю, что я для васъ — мальчикъ...

— Оставьте, Костя, умоляю васъ, оставьте этотъ разговоръ. Если вы это знаете, — такъ и молчите.

— Я просилъ васъ дать мнѣ локонъ волосъ, — продолжалъ онъ: — а вы мнѣ не дали...

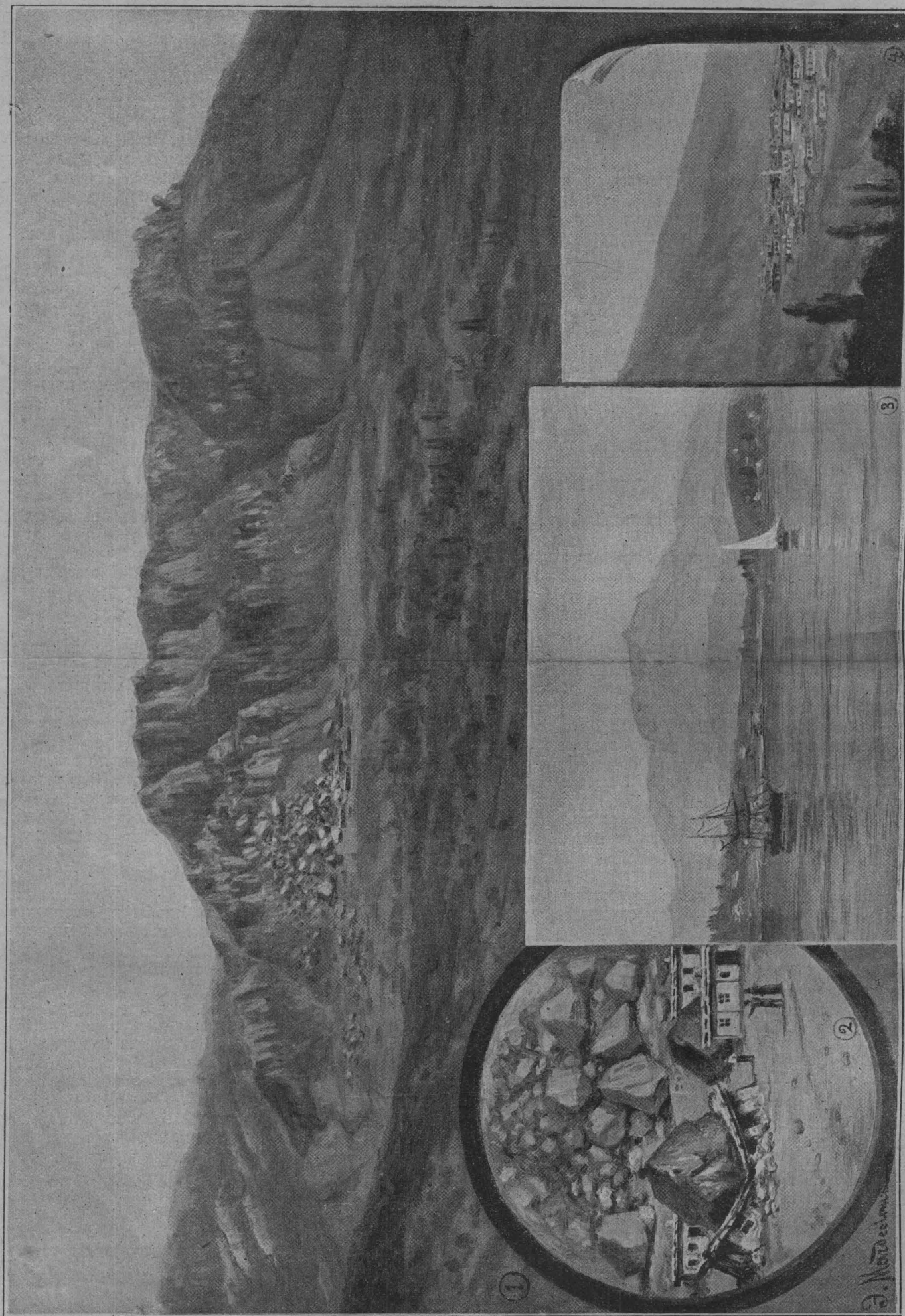
— И не дамъ никогда.

— А они у меня есть, — съ какой-то злобой сказалъ онъ. — Я вамъ покажу сейчасъ.

Онъ вытащилъ золотую цѣпочку, которую онъ носилъ на шеѣ, и показалъ медальонъ съ крестомъ сверху.

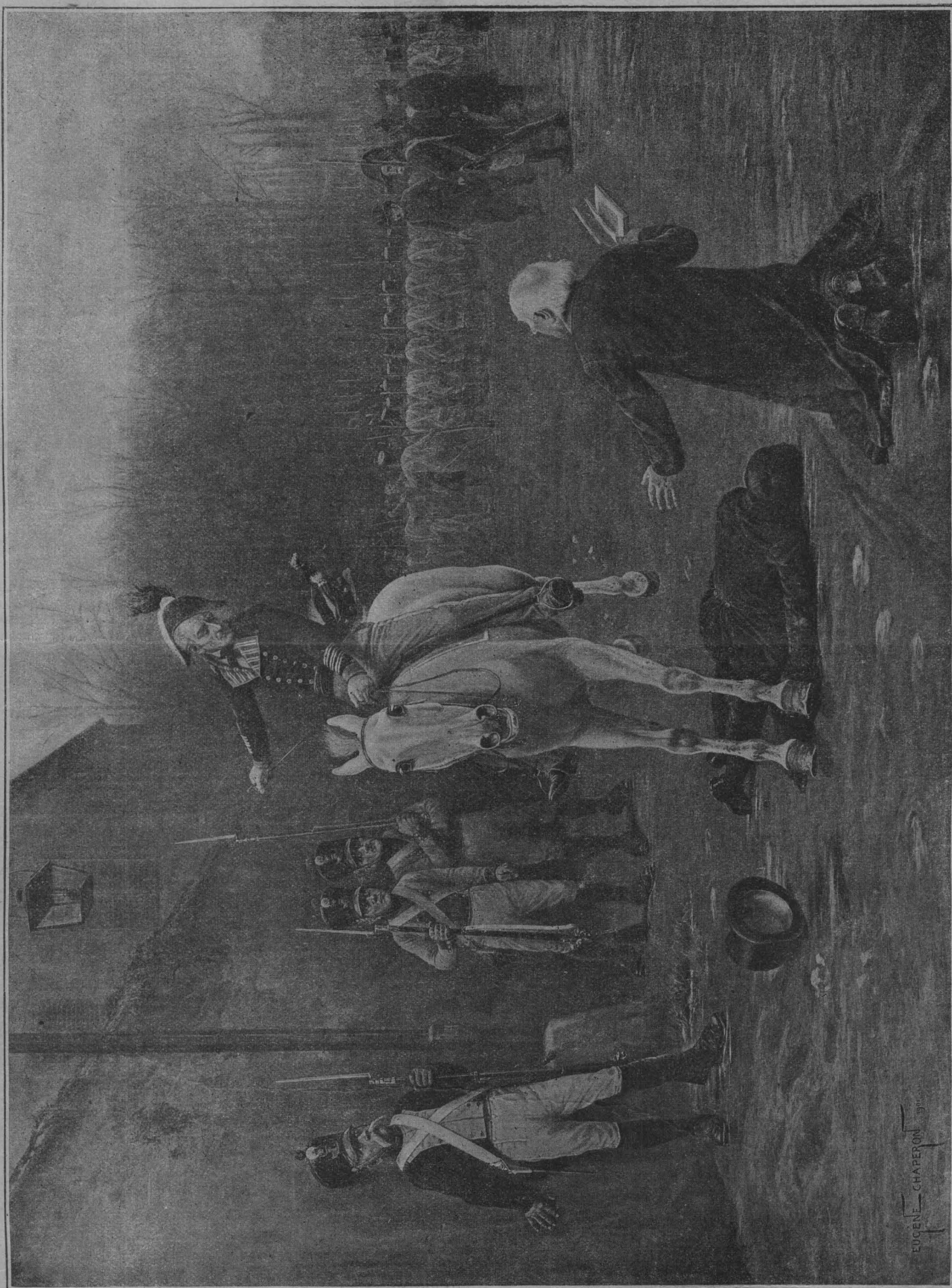
— Видите, видите, что здѣсь?

Онъ открылъ крышку, и она увидѣла комочекъ втиснутыхъ туда волосъ.

1) Гора Демерджи. 2) Обвалы и старая деревня. 3) Видъ на Демерджи съ моря. 4) Деревня Демерджи на новомъ мѣстѣ.
Виды Крыма. Картина (собств. «Нивы») Э. Магдесіана, арт. «Нивы».

Англичанинъ оскорбляетъ трупъ казненнаго маршала Нея (7-го декабря 1815 г.). Картина Э. Шапрона, грав. Ш. Бодт.

— И знаете, гдѣ я ихъ подобралъ? Вы выбросили ихъ за окно, когда причесывались. Скатали и выбросили. А я ждалъ и караулилъ подь окномъ.

Она не выдержала и засмѣялась.

— Вы всѣ здѣсь сумасшедшіе, — сказала она.

Онъ вдругъ бросился передъ ней на колѣни.

— Я люблю васъ, — залепеталъ онъ: — люблю такъ, какъ никогда русскіе не любятъ. Я готовъ ждать...

— Чего?

— Годъ, два, пять лѣтъ. Я буду учиться, я буду первымъ ученикъ. Но пусть я знаю, что вы — моя невѣста.

— Встаньте, Костя, встаньте. Я приказываю вамъ встать, или я уйду.

Она встала и сдѣлала шагъ въ сторону. Онъ припалъ лицомъ къ землѣ и сталъ цѣловать слѣды ея каблучковъ, вдавившихся въ песокъ.

— Да полноте, — продолжала она: — какъ вамъ не стыдно!

Онъ вскочилъ на ноги и вынулъ изъ кармана маленькій револьверъ.

— Видите вы это? — спросилъ онъ. — Клянусь вамъ, что кто-нибудь изъ насъ будетъ мертвъ, — или вы или я.

Онъ повернулъ дуло къ себѣ. Лицо его горѣло, губы дрожали. Она быстро схватила его за руку.

— Отдайте его мнѣ, отдайте, — сказала она.

Онъ легко выпустилъ револьверъ и припалъ губами къ ея рукѣ.

— Ахъ, если бъ вы, вашей рукой убили меня, — какое было бы счастье! — сказалъ онъ.

— Я оставлю револьверъ у себя, — сказала она.

— Оставьте, оставьте! — залепеталъ онъ. — Это будетъ вамъ память обо мнѣ. Я вамъ и футляръ дамъ. У меня есть на него — записочка.

— Хорошо, вы и футляръ мнѣ дадите. Только теперь оставьте меня.

Онъ схватилъ ее за руку.

— Объ одномъ, объ одномъ умоляю васъ, — заговорилъ онъ: — поцѣлуйте меня въ лобъ. Клянусь вамъ, — за одинъ этотъ маленький поцѣлуй я готовъ ждать мѣсяцы и годы.

Она колебалась. Мальчикъ смотрѣлъ на нее влюбленными глазами съ какимъ-то собачьимъ выраженіемъ преданности.

— Наклонитесь, — сказала она.

Онъ двинулся къ ней, схватилъ ея руку и сталъ покрывать ее поцѣлуями; она приложилась губами къ его лбу, высвободила руку и повернулась, чтобъ идти. На дорожкѣ стояла Лена и смотрѣла на нихъ широко раскрытыми, злыми глазами.

— Вотъ какъ! — заговорила она. — Вы читаете мораль честнымъ дѣвушкамъ, а сами увлекаете богатаго мальчика. И вы думаете, я не скажу папѣ всего, какъ только онъ вернется, и вы думаете онъ не прогонитъ васъ, тотчасъ же, чтобы спасти брата?

— Довольно! — сказала Тотти. — Я сама у васъ не останусь.

Лена захохотала.

— Вотъ какъ! А забранное жалованье вы можете вернуть?

— Ленка! — крикнулъ Костя весь дрожа. — Это — моя невѣста, и если ты посмѣешь сказать еще слово...

— Что-о? — воскликнула Лена. — Она — невѣста? Да кто жъ тебѣ позволитъ жениться на нищей, у которой одна пара ботинокъ, да и то старыхъ?

— Я никогда не была его невѣстой и не буду, — сказала Тотти. — Я слишкомъ уважаю себя, чтобы еще хоть часъ могла здѣсь остаться. Я здѣсь все оставлю: мои вещи, деньги — хотите, оставлю свое послѣднее платье. Мнѣ ничего вашего не надо. Долгъ свой я приплю вамъ: наймусь въ пощенницы, но отработаю его.

Она вынула изъ кармана револьверъ и бросила его на песокъ.

— Возьмите — стрѣляйте, стрѣляйте другъ въ друга, въ меня, мнѣ все равно, — сказала она: — но только я уйду отъ васъ и сейчасъ же.

XXIV.

Каждый нервъ ея дрожалъ, когда она вошла въ свою комнату, взяла свой паспортъ, положила въ чемоданъ бѣлье и книги, надѣла шляпку и накидку и сѣла къ столу написать нѣсколько словъ Петропопуло. Но руки не слушали ея, и перо прыгало.

— Все равно, — потомъ, когда приплю за чемоданомъ.

Она вышла за рѣшетку сада на улицу и машинально пошла по дорогѣ, сторонясь отъ ословъ, мѣрной рысцой бѣжавшихъ подь грузомъ какихъ-то жирныхъ англичанъ. На углу, у маленькаго переулка, подымавшагося въ гору, она остановилась.

Куда пойти? — подумала она. — Къ кому.

Она вспомнила, что Алексѣй Ивановичъ говорилъ о «Калипсо». Она пошла къ этой гостиницѣ, помѣстившейся у самого моря на обрывѣ. Лакей во фракѣ долго и внимательно слушалъ ея описаніе и наконецъ сказалъ:

— Очень возможно, что есть такой господинъ, — но почему онъ русскій? Если это онъ, то онъ дѣйствительно тутъ, вотъ въ этомъ номерѣ.

Алексѣй Ивановичъ радостно изумился при видѣ Тотти; онъ даже растерялся въ первую минуту и, спросивъ, «чѣмъ обязанъ», расположился говорить съ ней въ прихожей. Но потомъ спохватился и пригласилъ въ свою комнату. Только тутъ онъ замѣтилъ, какъ она была взволнована.

— Васъ обидѣли? — спросилъ онъ, сжимая маленькіе кулачки. — Изложите, пожалуйста, всѣ обстоятельства.

Она стала рассказывать въ общихъ чертахъ, что случилось сегодня.

— А-а! Вотъ какъ! — говорилъ онъ, слушая ее. — Такъ и зналъ, такъ и ожидалъ. Конечно! Ха!

Когда она дошла до послѣдней сцены въ саду, онъ вдругъ прыснулъ со смѣха.

— Да, помню: юнецъ, съ видомъ Горгоны прошелъ тогда мимо насъ. Влюбился? Гм! Что жъ мудренаго? Возможно.

Она кончила и спросила его совѣта.

— Совѣта? — переспросилъ онъ. — Какого же совѣта? Убѣжайте, убѣжайте скорѣй. Хотите въ Россію — такъ въ Россію. Кошелекъ мой тощъ, но на двоихъ хватить, даже на первый классъ. Мѣсто найти въ Москвѣ можно. Я найду вамъ.

Онъ всталъ и заходилъ по комнатѣ.

— Ну, конечно, найду, — подтвердилъ онъ самъ себя. — И вы расплатитесь съ ними. Наконецъ, заплатите сейчасъ. Настолько-то хватить. Отдайте, отдайте имъ сейчасъ все.

— Но зачѣмъ же я буду вамъ должна? — спросила она смущенно.

— А, Боже мой! Не все ли равно, кому вы будете должны? Почему же я хуже грека, торгующаго маслинами или пшеницей... чѣмъ онъ тамъ торгуетъ? Ну, будете должны... Отдадите, когда можете... Вѣдь не возьму же я съ васъ, чортъ возьми, векселя! Только того не доставало. Наконецъ я далъ слово милому и почтенному архитектору, что въ случаѣ нужды помогу вамъ. Я не знаю, почему онъ тамъ хлопочетъ о васъ, но я далъ слово и сдержу его. Хотѣлось бы мнѣ еще нарвать ушнъ этому гречонку изъ одесской гимназіи, — ну, да не стоитъ рукъ марать.

Въ концѣ концовъ они рѣшили такъ. Она останется пока здѣсь въ гостиницѣ и возьметъ номеръ; завтра утромъ они отправятся въ Константинополь и на первомъ же пароходѣ тронутся въ Россію. Тотти взяла маленькую узкую комнату, въ одно окно, и послала посыльнаго за вещами къ Петропопуло. Въ запискѣ она писала, что болѣе не можетъ возвратиться въ ихъ домъ,

просить прислать ей чемоданъ и довѣренное лицо, которому она могла бы вручить должныя ей деньги.

Не прошло и четверти часа, какъ явился самъ Петропопуло, переваливаясь и отдуваясь. Постучавшись въ дверь и получивъ разрѣшеніе войти, онъ остановился на порогѣ, широко разставя ноги.

— Бѣглая!—заговорилъ онъ, радостно простирая къ ней руки. — Это что же значить? Да какъ вамъ не стыдно?

— Вотъ ваши деньги, — отвѣтила Тотти, показывая на грудку золота, приготовленную на столѣ: — я заняла, чтобы отдать вамъ долгъ.

Петропопуло вошелъ, опустился на стулъ, такъ что онъ крикнулъ подъ его тяжестью и, не снимая шляпы, остановилъ удивленный взглядъ на молодой дѣвушкѣ.

— Слушайте, мадемуазель, — заговорилъ онъ, опираясь обѣими руками на палку съ костянымъ набалдашникомъ, изображавшимъ орла, терзающаго куропатку: — изъ за какихъ такихъ скандаловъ вы изволили покинуть свой постъ? Что то такое вамъ наговорила дѣвчонка, а мальчишка растаялъ, да въ любви начать признаваться? Да вы — одну въ уголь, а другого — за вихорь. Развѣ они могутъ оскорбить васъ? Да что бы они ни говорили, — не все ли одно? Я запру Ленку на три дня безъ кѣды въ комнату, а Костьку совсѣмъ пускать сюда не буду. И оба они предъ вами сегодня извиняться будутъ.

— Я къ вамъ въ домъ не вернусь, — твердо проговорилъ Тотти.

— Фу, какая упрямая! Вотъ заладила! Да вѣдь у меня еще другая есть дочь. Съ той-то вы вѣдь не ссорились? Съ женой вы не ссорились? Со мной вы не ссорились? Ну и чего-же такъ кидаться на стѣны? Хотите прибавки жалованья? Хотите я одновременно вамъ подарокъ сдѣлаю?

— Я не вернусь къ вамъ, — повторила она.

— Нѣтъ, вернетесь. Я не уйду безъ васъ. Костьку я въ Константинополь сейчасъ спущу. А Ленка на колѣни станетъ и проситъ прощенія будетъ. Ну, мадемуазель, ну, хорошая, пожалуйста, пойдемъ домой. Вѣдь мы, ей Богу, хорошие люди. Что мы вамъ сдѣлали?

— Довольно того, что вы выдаете за этого господина вашу дочь, — вспыхнувъ, заговорила Тотти. — Какъ вы поощряете ее на такой ужасный шагъ! Вѣдь вы знаете, что онъ былъ женихомъ другой дѣвушки и отказался отъ нея только потому, что вы богаче?

— Ну, что же, — спокойно возразилъ Петропопуло: — а найдеть онъ кого богаче меня и отъ меня откажется. Онъ человѣкъ коммерческій, даромъ что юристъ. Я думаю его въ долю взять. Съ его законами, ахъ какъ много барышей можно нажить!

— Ну, и поздравляю васъ съ барышами, а меня оставьте въ покоѣ. — Я сказала, что не вернусь къ вамъ, и не вернусь.

— Хотѣ проститься зайдите къ женѣ, — не отставалъ онъ. — Вѣдь старуха-то ничего вамъ не сдѣлала? За что же вы ей на голову наплевали. Ай, мадемуазель, не хорошо это, — совсѣмъ не хорошо!

«Почему, въ самомъ дѣлѣ, я не простилась съ нею? — подумала Тотти. — Вѣдь она, конечно, во всемъ этомъ не виновата».

— Ну, какъ-же? — спросилъ грекъ, помолчавъ.

— Хорошо, я приду проститься, — сказала она.

— Вотъ и превосходно. Очень радъ.

Онъ всталъ и поправилъ шляпу.

— Можеть и передумаете къ тому времени? — лукаво подмигивая, проговорилъ онъ. — А я бы вамъ приготовилъ браслетикъ что ли, чтобы глупость дѣтскую загладить...

— Не надо мнѣ браслетовъ. Я только проститься зайду. Возьмите же деньги ваши.

— А это ужъ вы сами старухѣ отдайте. Я вамъ не платилъ и получать не мнѣ.

Въ дверь раздалось громкое постукиванье, и вслѣдъ за тѣмъ высунулась голова Алексѣя Ивановича. Онъ былъ растерянъ и взволнованъ.

— Виноватъ, — заговорилъ онъ, входя въ комнату: — я къ вамъ съ неожиданной вѣстью. Мареевъ умеръ.

— Какой Мареевъ?

— Да отецъ этой барышни, присяжный повѣренный...

— Такъ мы ждемъ васъ! — сказалъ Петропопуло, поднявъ шляпу и вышелъ.

— Что такое? Я ничего не понимаю, — сказала Тотти.

— Ахъ, Боже мой. Ну, этотъ Анатолій отказался отъ невѣсты, — старикъ не выдержалъ. Параличъ сердца. Она посылала за вами, васъ у Петропопуло не нашли. Она спрашиваетъ, — уѣхалъ ли этотъ юристъ? И что ей нужно отъ него?.. Ну, да не въ немъ дѣло. — Просить васъ, — дѣвушка растерялась.

— Пойдемте, это ужасно, — сказала Тотти, надѣвая шляпку.

— Пойдите, я сперва схожу къ нимъ, — остановилъ онъ ее. — Вѣдь вы почти не знаете ихъ, — также какъ и я. Я скоро вернусь.

Его высокая шляпа мелькнула за окномъ и скрылась. Почти вслѣдъ за тѣмъ какъ онъ вышелъ, въ дверь просунулась курчавая голова мальчика-носильщика, котораго она часто видѣла на пристани.

— Madame, — заговорилъ онъ на скверномъ французскомъ языкѣ. — Вотъ вамъ велѣли передать. И велѣли сказать, что я не знаю, кто это передалъ.

Онъ сунулъ ей тяжелый толстый пакетъ и бѣгомъ бросился прочь. Она разорвала его. Оттуда посыпалось турецкое золото.

«Неизвѣстный другъ, — прочла она написанное писарскимъ почеркомъ: — просить васъ, въ день столь сильныхъ неприятностей, принять приложенную ничтожную сумму. Завтра утромъ придетъ къ вамъ комиссіонеръ и вручить гораздо больше. Очень мало. Незвѣстный другъ».

Внизу было приписано:

«Мужайтесь. Часъ испытаній пройдетъ!»

— Бѣдный Костя! — сказала она.

Она пересыпала деньги обратно въ конвертъ: тутъ были и турецкія и итальянскія, и австрійскія монеты, была даже русская трехрублевка, — всего рублей на шестьдесятъ.

— Это надо завтра ему отдать черезъ его комиссіонера, — подумала она и подошла къ окну. Разрѣзая изумрудно-бирюзовую поверхность воды, вдали виднѣлся пароходъ, выбрасывая изъ двухъ трубъ далекія полосы дыма. Онъ шелъ въ Константинополь и уносилъ съ собою двоихъ: Анатолія — полнаго надеждъ и ожиданій на будущее, и Костю — подавленного и разбитого судьбой. Флагъ еле замѣтно трепеталъ на кормѣ, у колесъ билась пѣна. Контуръ судна съ каждой минутой становились все неопредѣленнѣе и туманнѣе, и все гуще затягивала его фіолетовая дымка влажныхъ морскихъ испареній.

— Если бы въ будущемъ никогда съ ними не встрѣтятся, — какое это было бы счастье, — подумала Тотти.

(Продолженіе будетъ.)

Разведеніе лужаекъ.

Очеркъ Ѳ. Крыштофовича.

Наслажденіе красотою природы врождено каждому человѣку. Ничто такъ не радуетъ нашего глаза, какъ зеленъ травы и деревьевъ, ничто его такъ не утомляетъ, какъ пыльные, безжизненные пространства.

Если вамъ приходилось наблюдать публику большихъ городовъ, вы могли замѣтить, съ какою лихорадочною поспѣшностью она въ нерабочіе дни, воскресенья и праздники, разсыпается по общественнымъ садамъ, паркамъ и загороднымъ гуляньямъ; какъ люди

стремится туда, гдѣ могутъ увидѣть деревцо, кусочекъ зелени и немного больше неба, чѣмъ сколько видно въ щель многоэтажной улицы или колодцеобразнаго городского двора.

Нигдѣ въ мірѣ вы не найдете такихъ чудныхъ лужковъ и лужаекъ, какъ въ Англіи, Америкѣ, вообще, тамъ, гдѣ живутъ англичане и американцы. Вы неизмѣнно увидите тамъ передъ ихъ жилищемъ изумрудную полоску, квадратъ или кругъ, посреди которыхъ брызжетъ пульверизаторъ, а гдѣ нибудь у стѣны прислонена ручная косилка, которою леди отъ времени до времени упражняютъ свои мускулы. Городскія управления, наравнѣ съ частными лицами, не жалуютъ затратъ на расширение площади зеленыхъ пространствъ, и во многихъ большихъ американскихъ городахъ общественные парки занимаютъ десятки акровъ, такъ что сюда дѣйствительно можно уйти отъ городской пыли, шума и суетонокъ и хоть на короткое время перенестись на лоно природы.

Собственно говоря, всѣ незанятые чѣмъ либо инымъ пространства въ городахъ, не смотря на ихъ размѣры, должны бы быть покрыты зеленымъ травянымъ ковромъ. Это уменьшило бы поперечность нагрѣванія солнечными лучами, низвело бы до минимума пыльные пространства, придало бы городамъ много красоты и изящества и, наконецъ, — съ міру по травѣ — образовалась бы значительная зеленая поверхность, полезная и съ санитарной точки зрѣнія.

Для устройства лужайки, каковъ бы ни былъ ея размѣръ, почва должна быть заранее подготовлена соответственнымъ образомъ. Прежде всего, слѣдуетъ очистить данную поверхность отъ пней, камней, щебня и т. п. Затѣмъ, по возможности, сравнять ее, причемъ, желательно, чтобы всѣ встрѣчающіяся углубленія были заполнены навезенною извнѣ хорошею землею и, лишь въ крайнемъ случаѣ, — брать послѣднюю для этой цѣли на мѣстѣ, такъ какъ, при этомъ, пришлось бы нѣкоторые мѣста лишить поверхностнаго слоя, что, въ данномъ случаѣ, весьма нежелательно.

Затѣмъ все мѣсто слѣдуетъ сильно и равномерно удобрить старымъ, хорошо перегнившимъ навозомъ и вспахать на глубину четырехъ вершковъ. Безъ удобрения можно обойтись, лишь имѣя дѣло съ самыми сильными почвами или въ тѣхъ случаяхъ, какъ это часто бываетъ въ городахъ, когда раньше на эти мѣста возвозили навозъ, т. е. они являются и безъ того уже удобренными. Вспашку эту нужно произвести осенью. Весною вспахать снова, накрестъ, на глубину пяти и даже шести вершковъ. Затѣмъ, въ продолженіе всего лѣта, черезъ каждыя двѣ-три недѣли слѣдуетъ проходить все подготовляемое пространство культиваторомъ, на глубину трехъ дюймовъ. Послѣднее дѣлается съ двумя цѣлями: во первыхъ, чтобы возможно лучше разровнять и разрыхлить верхній слой почвы и, во вторыхъ, сохраняя почвенную влагу культивированіемъ, заставить прорастать заключающіяся въ почвѣ сѣмена сорныхъ травъ и уничтожать появившіяся всходы ихъ.

Такимъ образомъ, къ слѣдующей осени наше мѣсто будетъ подготовлено къ посѣву. Сѣять травяныя сѣмена слѣдуетъ возможно рано. Чтобы получить надежные результаты слѣдуетъ держаться весьма густого посѣва, отъ 150 до 200 фунтовъ сѣмянъ на десятину, въ зависимости отъ силы почвы. Ранній осенній посѣвъ желателенъ для того, чтобы корни молодыхъ растений успѣли развиться, достаточно окрѣпнуть къ наступленію зимнихъ холодовъ. Въ самыхъ сѣверныхъ мѣстностяхъ придется отказаться отъ осенняго посѣва и произвести его весной, по окончаніи сезона морозовъ. Такъ какъ, вслѣдствіе осеннихъ дождей и воды отъ стаявшаго снѣга, грунтъ успѣетъ сильно уплотниться, то слѣдуетъ и передъ весеннимъ посѣвомъ пройти данное пространство культиваторомъ и затѣмъ уже произвести посѣвъ вышесказаннымъ образомъ. Для посѣва нужно выбрать тихій, безвѣтренный день. Если сѣяльщикъ будетъ не слишкомъ опытенъ, то лучше смѣшивать сѣмена пополамъ съ мелкимъ сухимъ пескомъ.

Задѣлку сѣмянъ я бы совѣтовалъ производить единственно лишь помощью не слишкомъ тяжелаго катка, а при небольшихъ посѣвахъ — помощью куска доски, которою придавливаютъ засѣянный мѣста.

При устройствѣ зеленыхъ лужаекъ весьма важенъ выборъ сорта травы, которою онѣ засѣваются. Зеленая поверхность, чтобы быть пріятною для глазъ, должна удовлетворять извѣстнымъ требованіямъ. На первомъ планѣ здѣсь стоитъ цвѣтъ, который долженъ быть равномерно-ярко-зеленымъ, начиная съ ранней весны и кончая глубокой осенью. Затѣмъ, слѣдуетъ строеніе дерна. Дерновая щетка должна быть составлена отдѣльными, густо расположенными травяными стеблями, но никакъ не группами, пучками послѣднихъ. Наконецъ, форма и размѣръ листьевъ тоже не безразличны въ занимающемъ насъ отношеніи, и многочисленныя наблюденія склоняются въ пользу узкаго, продолговатаго листа.

Въ тѣхъ случаяхъ, когда лужайка предназначается для игръ (лаунъ-теннисъ и др.), отъ травы, ее покрывающей, требуется еще одно качество — эластичность.

Перебирая многочисленную семью травъ съ нашей спеціальной точки зрѣнія, мы можемъ остановиться на двухъ изъ нихъ: для лужаекъ, имѣющихъ цѣлью удовлетвореніе эстетическаго чувства, я совѣтую *мятликъ луговой* (*Poa pratensis*), для площадокъ же, предназначенныхъ для игръ, — *полевую* (*Agrostis stolonifera*).

Во время, какъ указанныя мною травы пригодны для всего пространства европейской Россіи, для нѣкоторыхъ, особенно засушливыхъ мѣстностей крайняго юга и востока, въ родѣ Тифлиса, Баку, Ташкента и т. п., онѣ мало подходящи. Здѣсь можно рекомендо-

вать другія, а именно: *Cynodon dactylon*, *Bulbils dactylodes* (Buffalo grass американцевъ) и *Hilaria cenchroides* (Curly mesquite американцевъ). Первая изъ нихъ употребляется, между прочимъ, въ городскомъ паркѣ Джексонвилля во Флоридѣ. Она отлично выноситъ высокую температуру, образуетъ прекрасныя лужайки весною и лѣтомъ, но къ осени цвѣтъ ея принимаетъ буроватый оттѣнокъ. Въ виду этого, я обращаю вниманіе лицъ, заведующихъ общественными садами и парками въ засушливыхъ мѣстностяхъ, на Buffalo grass и Curly mesquite (изъ штатовъ Техасъ и Нью-Мексико). Обѣ онѣ рано трогаются въ ростъ, образуютъ густой, красивый дернъ, отлично выносятъ высокую температуру и сухость воздуха. Желательно, поэтому, чтобы съ ними были произведены пробы на сохраненіе зеленого цвѣта осенью.

Зеленые лужайки, чтобы удовлетворять своему назначенію, требуютъ самаго тщательнаго ухода. Послѣдній состоитъ, главнымъ образомъ, въ стрижкѣ и поливкѣ.

Стрижка, въ зависимости отъ размѣра зеленого пространства, производится ножницами (употребляемыми для стрижки овецъ), ручною косилкою и, наконецъ, конною косилкою. Стрижку слѣдуетъ производить вообще возможно коротко, за исключеніемъ самаго жаркаго времени, когда травяную щетку полезно пускать нѣсколько длиннѣе. Въ засушливыхъ же мѣстностяхъ никогда не слѣдуетъ стричь лужайки слишкомъ коротко, въ противномъ случаѣ, страдаютъ корни растений. Срѣзанную траву обыкновенно убираютъ густыми ручными граблями.

Въ Соединенныхъ Штатахъ иногда можно видѣть, какъ роль ножницъ и ручныхъ косилокъ въ данномъ случаѣ предоставляется курамъ, а въ нѣкоторыхъ общественныхъ паркахъ, напримѣръ, въ Druid Hill Park, въ Балтиморѣ, въ Central Park, въ Нью-Йоркѣ конную косилку съ успѣхомъ замѣняютъ овцы. Породистыя куры, въ особенности, сѣрыя плимутъ-рокъ и бѣлыя лекторнъ или бѣлыя, чисто вымытыя овцы прекрасно гармонируютъ съ зеленою дугою и стригутъ его великолепно.

Что касается поливки, то ее должно производить, сообразуясь съ температурою воздуха, частотою дождей въ данной мѣстности и т. д. Во всякомъ случаѣ, поливка, дождемъ ли или искусственно, должна быть часта, не рѣже раза въ недѣлю при большихъ лужайкахъ; маленькіе же газоны требуютъ поливки черезъ день и даже ежедневно — въ жаркую погоду.

Такъ какъ стрижку травы приходится, обыкновенно, производить черезъ каждыя семь-десять дней, то, лучше всего, поливать вслѣдъ за стрижкой.

Въ тѣхъ случаяхъ, когда лужайки предназначены для хожденія по нимъ или игры, травяная щетка послѣ стрижки должна подвергаться усиленному тяжелымъ каткомъ, ручнымъ или коннымъ, въ зависимости отъ пространства.

Какимъ бы способомъ ни производилась поливка травы, слѣдуетъ наблюдать за тѣмъ, чтобы масса воды была распределена мелкими струями, во избѣжаніе обнаженія корней. Особенно важно соблюдать это правило въ первое время, пока почва не достаточно еще связана корнями травы.

Постоянная стрижка беретъ довольно значительное количество питательнаго матеріала изъ почвы, и потому отъ времени до времени, приблизительно, черезъ каждыя два года, эта убыль должна пополняться удобреніемъ. Для этой цѣли лучше всего употреблять старый, хорошо перегнившій навозъ, разсыпая его поверхъ травы слоемъ въ полдюйма толщиною, осенью, передъ началомъ сезона дождей.

Не слѣдуетъ думать, что хорошая зеленая лужайка можетъ быть создана въ продолженіе одного года. Какъ бы ни была хороша почва, густъ первоначальный посѣвъ, тщателенъ уходъ за лужайкой, требуется не менѣе трехъ лѣтъ, чтобы она достигла такого состоянія, когда ее можно было бы называть хорошею.

Что касается сорныхъ травъ, то растенія, размножающіяся сѣменами, исчезнутъ сами собою вслѣдствіе частой стрижки; растенія же, размножающіяся, помимо сѣмянъ, также и корневищами, должны быть выпалываемы въ самомъ началѣ.

Если бы лужайку вздумать портить крогъ, то слѣдуетъ открыть въ трехъ-четыре мѣстахъ его ходъ и положить туда комки трипопъ или ваты, обильно пропитанные сѣрнислымъ углеродомъ.

Если въ паркѣ или саду имѣется нѣсколько лужаекъ, то, оставивъ одну или двѣ изъ нихъ занятыми исключительно травяными покровомъ, остальные можно съ успѣхомъ разнообразить другими растеніями. Но здѣсь слѣдуетъ быть чрезвычайно осторожнымъ. Никогда не слѣдуетъ допускать многихъ растеній на лужайкахъ, никогда эти растенія не должны быть раскидистыми, приземистыми. Здѣсь, напротивъ, требуется легкость, граціозность: правильно введенный штамбовый ремонтантный розанъ или пучекъ *Eulalia gebrina* умѣстны на небольшой лужайкѣ, въ то время какъ для большой — въ южныхъ мѣстностяхъ будетъ хороша не слишкомъ тощій снопъ гигантскаго камыша пестролистнаго (*Arundo donax fol. varieg.*), а въ болѣе сѣверныхъ — очень кистати среди зеленой лужайки придется группа бѣлыхъ, пущенныхъ вверхъ, березокъ.

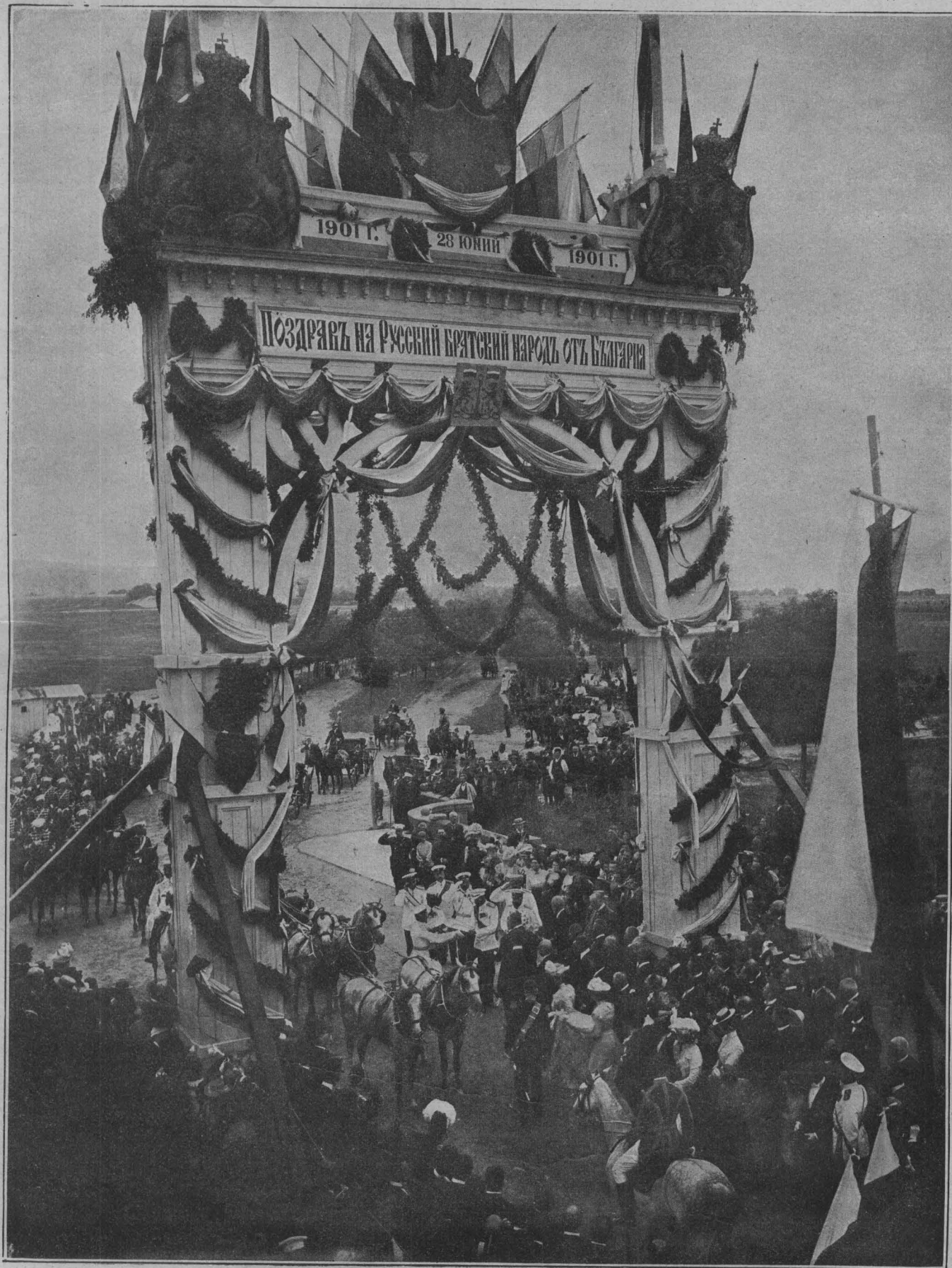
Изъ предыдущаго читатель видѣлъ, что устройство зеленыхъ лужаекъ требуетъ извѣстной аккуратности, настойчивости и терпѣнія, а уходъ за ними — непрестанныхъ заботъ. Но въ частныхъ садахъ эта возня явится пріятной и полезной для здоровья ихъ хозяевъ, въ общественныхъ же мѣстахъ удовольствіе и польза тысячъ обывателей стоятъ того, чтобы города вводили у себя лужайки.

Къ рисункамъ.

Есть картины, удачныя по замыслу и въ то же время такъ красиво исполнены, что не знаешь, чѣмъ больше любоваться, — за-

неться, взглянувъ на этихъ двухъ влюбленныхъ, шутливо бесѣдующихъ о пустякахъ, имѣющихъ значеніе только для нихъ, и

Городской голова города Варны подноситъ хлѣбъ-соль Его Императорскому Высочеству Великому Князю Александру Михайловичу. По фот. Агарастанова авт. «Нивы».

мыслью или исполненіемъ. Къ числу такихъ картинъ принадлежитъ воспроизведенная въ этомъ номерѣ «Нивы» картина нѣмецкаго художника Бюхнера: «Пріятная бесѣда». Кто не улы-

кто въ то же время не полюбуется тщательностью и изяществомъ выписки всѣхъ деталей картины, такъ замѣчательно переданныхъ въ гравюрѣ?

Отъ Симферополя на Алушту и далѣ по всему южному берегу идетъ прекрасная шоссеиная дорога. Подъемъ дороги начинается отъ самаго Симферополя и продолжается до перевала за станціей Таушанъ-базаръ на 34-й верстѣ отъ Симферополя. Переваль — самая высокая точка дороги между Симферополемъ и Алуштой (2,800 фут.). За переваломъ начинается воднообразными уступами непрерывный спускъ къ самой Алуштѣ на протяженіи 15-ти верстѣ. Отсюда открывается одна изъ самыхъ величественныхъ картинъ южнаго берега. Впереди (къ ЮВ) — голубая равнина чернаго моря, граница котораго на горизонтѣ едва уловима глазомъ; слѣва величественная гора Демерджи съ ея вычурными, точно рѣзными обрывами; справа — лѣсъ, поляны и каменные обвалы Чатырдагскаго склона, по которому вѣтся шоссеиная дорога.

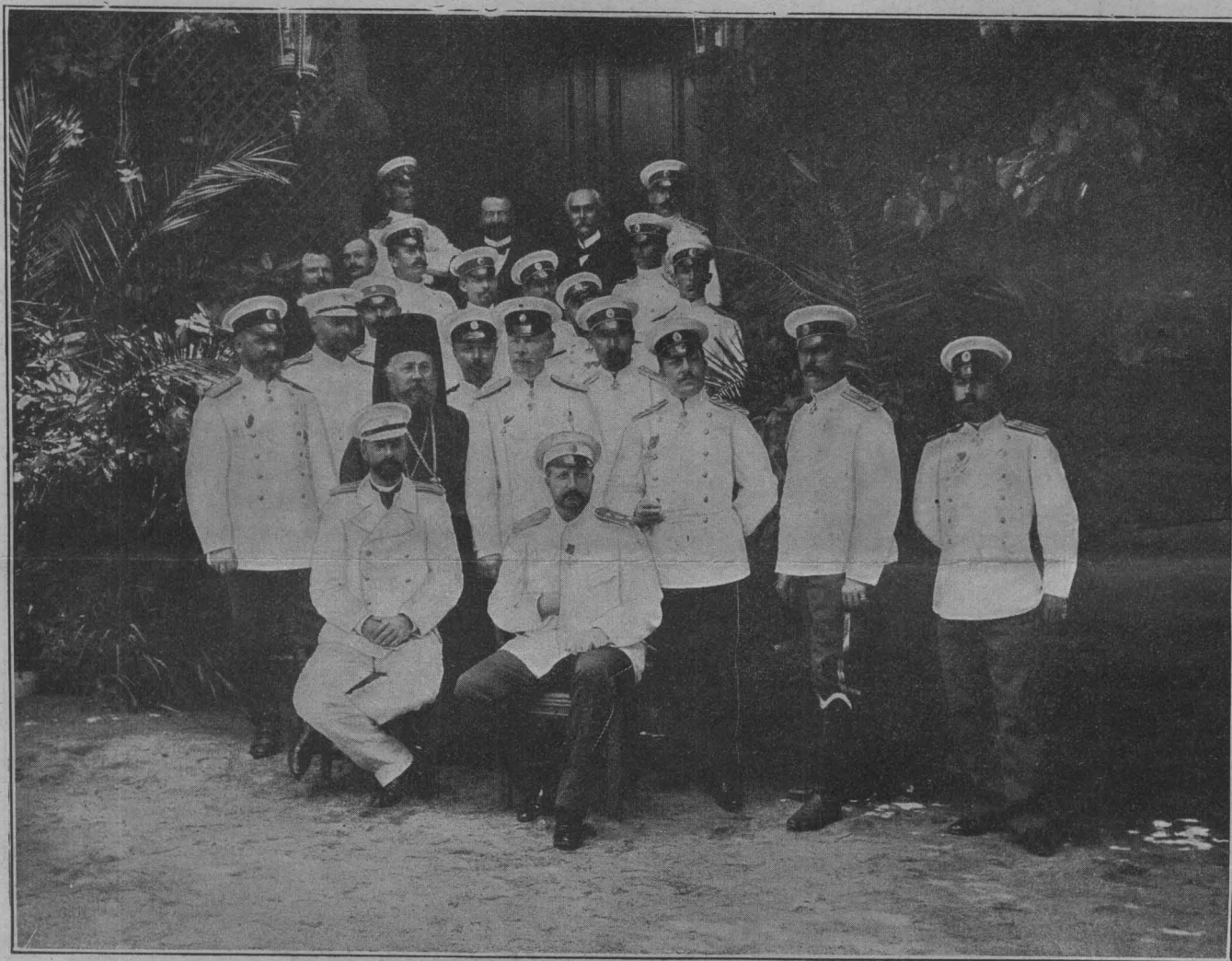
Гора Демерджи отдѣляется отъ склона Чатырдага, по которому идетъ шоссе, глубокой долиной рѣчки Демерджи.

На южномъ, къ морю обращенномъ, краю горы Демерджи немного ниже вершины, рисуется на свѣтломъ фонѣ неба большой

приблизительную горизонтальность солнечныхъ лучей, ясность воздуха на востокъ и близкое густое облако на западѣ.

Деревня Демерджи была расположена на краю обрыва, у подношья утесовъ горы того же имени. Но въ 1893 г. произошелъ страшный обвалъ. Огромные обломки скалъ свалились сверху на деревню и разрушили нѣсколько домовъ. Объ ихъ величинѣ можно составить себѣ ясное понятіе по нашему рисунку. Размѣрами своими онѣ значительно превосходятъ находящіеся тутъ-же дома. Изъ подъ груды обломковъ вытекаетъ прекрасный ключъ.

Обвалъ очень напугалъ жителей, заговорившихъ о переселеніи въ мѣнѣе опасное мѣсто, и лѣтомъ 1895 г. вся деревня Демерджи переселилась на болѣе отлогое мѣсто въ пяти верстахъ отъ старой деревни. Отъ времени до времени преимущественно весной подобные обвалы повторяются, производя сотрясеніе почвы, напоминающее землетрясеніе; столбъ пыли поднимается тогда выше горы Демерджи. Большой обвалъ случился и въ 1894 г.; обломки скалы, величиною въ 25—30 куб. саж., разрушили четыре дома, и дѣло не обошлось безъ жертвъ: погибла женщина и ребенокъ, а двѣ дѣ-

Его Императорское Высочество Великій князь Александръ Михайловичъ со свитой и Его Высочество Князь Фердинандъ Болгарскій въ Евксиноградѣ. По фот. Ив. Агарастіанова авт. «Нивы».

утесъ, похожій на бюстъ женщины въ профиль. Нѣкоторые находятъ сходство съ бюстомъ Екатерины II и даже гору называютъ на татарскій ладъ Катеринъ-гора.

Бюстъ этотъ — утесъ не менѣе десяти сажень въ вышину; неровности, кажущіяся издали чертами лица, составляютъ результатъ случайной комбинаціи расколовъ и проломовъ, безъ участія человѣческаго искусства; вблизи черты бюста почти нераспознаваемы.

Гора Демерджи имѣетъ почти 4,000 фут. в. Вершинная площадь холмиста и покрыта густымъ, зеленымъ дерномъ, изъ-подъ котораго часто проглядываетъ сплошная, бѣловатая скала. Эта скала размыта вертикальными бороздами, которыя сообщаютъ обрывамъ удивительно причудливыя и красивыя формы полуколоннъ и башенъ, раздѣляемыхъ горизонтальными трещинами на ярусы. По уступамъ и карнизамъ растутъ прекрасныя сосны, снизу почти незамѣтныя. Въ нѣкоторыхъ пунктахъ южнаго края горы, эти скалы даютъ пейзажу необыкновенно красивый передній планъ.

Нѣкоторымъ лицамъ случилось видѣть на вершинѣ Демерджи интересное явленіе. Утромъ, когда лучи солнца приблизительно горизонтальны, а предъ Чатырдагомъ, т. е. на западѣ виситъ густое бѣлое облако, наблюдатель видитъ на облакѣ свой силуэтъ и силуэты своихъ спутниковъ; это, конечно, ихъ тѣни.

Необходимыми условіями явленія слѣдуетъ, повидимому, считать:

вочки, засыпанные остатками дома, были спасены поспѣшными раскопками; другіе обитатели разрушенныхъ домовъ къ счастью находились на работѣ внѣ жилищъ. Осмотръ окрестности послѣ обвала 4-го апрѣля 1894 г. показалъ, что огромная масса горы надъ деревнею, не менѣе 250,000 куб. саж. въ объемѣ, отдѣлена свѣжими трещинами, осѣла и тихо движется; въ трещинахъ слышенъ непрерывный шумъ отъ сыпавшихся обломковъ.

На мѣстѣ прежней татарской деревни находилось древне-греческое поселеніе съ церковью во имя св. Оеодора Стратилата. Стѣны этой церкви отчасти цѣлы еще и теперь; а лѣтъ 20 тому назадъ были замѣтны въ алтарѣ еще и слѣды стѣнной живописи. Остатки существовавшего тутъ укрѣпленія или крѣпостцы съ башнею теперь едва замѣтны.

Маршалъ Ней, одинъ изъ героевъ наполеоновскихъ армій, получившій прозвище «храбрѣйшаго изъ храбрыхъ» и дѣйствительно совершившій чудеса храбрости въ безконечныхъ сраженіяхъ при Мангеймѣ, Іенѣ, Эйлау, Фридландѣ, Люпенѣ, Лейпцигѣ, въ Испаніи и Россіи, погибъ трагическою смертью: онъ былъ казненъ по приговору военнаго суда. Преступленіе его заключалось въ томъ, что онъ, преданный исключительно военному дѣлу, не занимался политикою, служилъ Наполеону, перешелъ затѣмъ на сторону Бур-

боновъ и, когда Наполеонъ вернулся съ острова Эльбы, примкнулъ опять къ нему. Бурбоны жестоко отплатили ему за это, и въ 1815 г. онъ былъ казнёнъ въ тотъ моментъ, когда союзныя войска заняли сердце Франціи. «Храбрѣйшій изъ храбрыхъ» палъ не на полѣ сраженія, не отъ вражеской пули, а отъ пули бывшихъ своихъ подчиненныхъ. Это было по истинѣ трагическій моментъ. И въ этотъ-то моментъ одинъ англичанинъ, присутствовавшій на мѣстѣ казни, до того увлекся своимъ чувствомъ ненависти къ бывшему противнику, распростертому мертвымъ на землѣ, что счелъ возможнымъ оскорбить трупъ героя. Онъ перескочилъ верхомъ черезъ трупъ казненнаго Маршала Нея, къ общему негодованію присутствовавшихъ. Французскій художникъ Шапронъ въ прекрасной своей картинѣ навсегда заклеилъ этого англичанина и его позорный поступокъ.

Посѣщеніе е. и. в. великимъ княземъ Александромъ Михайловичемъ Балканскаго полуострова.

(Съ 2 рис. на стр. 497 и 498).

Послѣ ряда тревожныхъ извѣстій, то и дѣло прониравшихъ въ европейскую печать съ Балканскаго полуострова, пришлось той же печати отмѣтить событіе мирное и при томъ выдающееся по своей небывалой торжественности. Нѣсколько недель тому назадъ въ Софіи стало извѣстно, что русскій броненосецъ черноморской эскадры «Ростиславъ», плавающій подъ начальствомъ великаго князя Александра Михайловича, посѣтитъ болгарскій рейдъ у Варны. Для торжественной встрѣчи великаго князя народное собраніе отпустило сверхмѣтный кредитъ въ сто тысячъ левовъ. Въ виду наступающаго торжества представители высшей власти, депутаты народного собранія, множество горожанъ и селянъ со всѣхъ концовъ княжества посѣдѣли въ Варну. Въ полдень 27-го іюня броненосецъ «Ростиславъ» появился у болгарскаго берега. Въ сопровожденіи миноноски великій князь отправился въ лѣтнюю резиденцію болгарскаго князя — Эвксиноградъ. Князь Фердинандъ принялъ высокаго гостя на болгарскомъ вѣстовомъ суднѣ «Надежда». Визитъ былъ затѣмъ отданъ на «Ростиславъ». Великій князь остановился во дворцѣ князя Фердинанда, гдѣ совершенно было молебствіе и устроенъ былъ великому князю торжественный приемъ. Болгарскій князь по телеграфу благодарилъ Государя Императора за прибытіе броненосца «Ростислава». Утромъ 28-го іюня на броненосцѣ была панихида по цесаревичу Георгію Александровичу, позже состоялась обѣда, на которой великій князь провозгласилъ здравицу за болгарскаго князя и армію; князь Фердинандъ отвѣтилъ здравницей за Государя Императора и за русскую армію. 29-го іюня Варна, разукрашенная болгарскими и русскими флагами, устроила великому князю торжественный приемъ. У триумфальной арки кметъ принималъ высокаго гостя хлѣбомъ-солью (см. рис. на стр. 497) Во время молебствія въ соборѣ варненскій митрополитъ произнесъ слово, въ которомъ указалъ на прибытіе великаго князя, какъ на новое основаніе для восстановленія болѣе тѣсныхъ отношеній между обоими народами. Послѣ молебствія сдѣланъ былъ смотръ отрядамъ экипажа «Ростислава» и «Надежды», на которомъ присутствовали болгарскіе министры, русскій дипломатическій агентъ съ составомъ агентства, иностранные консулы и масса восторженно настроеннаго населенія. Великому князю представились многочисленныя депутаціи. Послѣ осмотра казармъ и посѣщенія русскаго консульства великій князь принялъ завтракъ на вѣстовомъ суднѣ «Надежда». На здравицу князя Фердинанда за мощный русскій флотъ, великій князь отвѣтилъ здравницей за развитіе юнаго болгарскаго флота. Вечеромъ въ Эвксиноградскомъ дворцѣ состоялся парадный обѣдъ. Здравница болгарскаго князя была за Россію, создавшую Болгарію и болгарскую армію, за

Царя, за русскую армію и русскій флотъ. Великій князь отвѣтилъ здравницей за князя Фердинанда и за болгарскую армію. На слѣдующій день, въ сопровожденіи болгарскаго князя, министровъ, русскаго дипломатическаго агента великій князь посѣтилъ портъ Бургасъ. При большомъ стеченіи ликующаго народа состоялся смотръ войскамъ и затѣмъ парадный завтракъ, во время котораго князь Фердинандъ отъ имени бургаскихъ жителей благодарилъ великаго князя за посѣщеніе и провозгласилъ здравицу за Государя Императора. Въ своемъ отвѣтѣ великій князь пожелалъ Бургасу торговой будущности.

Вечеромъ въ субботу 30-го іюня на «Ростиславѣ» данъ былъ большой обѣдъ, во время котораго великій князь благодарилъ за братскій приемъ на болгарской территоріи, выражая при этомъ свою радость по поводу видѣннаго въ Болгаріи, провозгласилъ здравицу за князя Фердинанда и Болгарію, пожелалъ благоденствія свободной Болгаріи, товарищества арміямъ и общности взглядовъ обѣихъ православныхъ странъ. Князь Фердинандъ выразилъ благодарность Государю Императору за то, что представитель Императорскаго Дома явился въ Болгарію, чтобы ознакомиться съ ней; поминувъ великій дѣла православной Россіи по отношенію къ христіанскимъ народамъ Востока, особенно же къ Болгаріи, князь Фердинандъ просилъ передать Государю Императору чувства вѣчной признательности болгаръ къ Россіи и провозгласилъ здравицу Государю Императору и великому князю.

На слѣдующій день вечеромъ состоялось прощаніе великаго князя съ княземъ Фердинандомъ, и броненосецъ «Ростиславъ» направился къ румынскому порту Кюстендже, куда заблаговременно выѣхали изъ Бухареста представители высшей румынской власти, съ наслѣднымъ принцемъ во главѣ, чтобы торжественно встрѣтить великаго князя Александра Михайловича.

Въ полдень 2-го іюля румынскій наслѣдный принцъ Фердинандъ, въ сопровожденіи русскаго посланника, министра-президента Стурдзы и другихъ высокопоставленныхъ лицъ отправился на суднѣ «Regele Carol» на броненосецъ «Ростиславъ», гдѣ встрѣченъ былъ съ подобающимъ почетомъ. Великій князь затѣмъ прибылъ на «Regele Carol», гдѣ высокому гостю устроена была торжественная встрѣча. Вечеромъ данъ былъ на румынскомъ суднѣ обѣдъ, за ко-

торымъ принцъ Фердинандъ провозгласилъ здравицу за Русскую Императорскую чету, за армію и флотъ Россіи. Великій князь отвѣтилъ здравницами за румынскую королевскую чету, за наслѣдника, за румынскую армію и флотъ. На слѣдующій день былъ смотръ батальону егерей; великій князь и наслѣдный принцъ Фердинандъ проѣхали по улицамъ, украшеннымъ цвѣтами и коврами, и посѣтили казармы. Вечеромъ, 4-го іюля, на «Ростиславѣ» данъ былъ въ честь румынскаго наслѣдника обѣдъ, а въ городѣ состоялся банкетъ въ честь высокаго гостя. За обѣдомъ и на банкетѣ подняты были взаимныя задушевныя здравицы великимъ княземъ, наслѣднымъ принцемъ и министромъ — президентомъ Стурдзой. Поблагодаривъ хозяевъ за гостеприимство, великій князь отбылъ на «Ростиславъ». Банкетъ кончился во второмъ часу ночи. Городъ и портъ были иллюминированы, сожжены были роскошныя фейерверки. Утромъ, 5-го іюля, «Ростиславъ» ушелъ съ рейда.

Его высочество принцъ Адальбертъ прусскій и его воспитатель капитанъ-лейтенантъ Аммонъ на Англійской набережной въ Петербургѣ передъ отъѣдомъ въ Петергофъ. Съ фот. Булла авт. «Нивы».

7-го іюля «Ростиславъ» при пушечныхъ салютахъ, сопровождаемый стационеромъ «Черноморецъ», прибылъ въ Буюкскій лиманъ. Султанъ выслалъ навстрѣчу высокому гостю: морскаго министра, церемоніймейстера и другихъ сановниковъ на яхтѣ «Фуадъ». Перейдя на стационеръ «Черноморецъ», великій князь отбылъ въ императорскій дворецъ Долма-Бахче, отсюда въ парадныхъ коляскахъ — въ Идызъ-Кюскъ, гдѣ великому князю дана была султаномъ

аудиенция. После аудиенции великий князь отправился во дворец Мерассимъ, куда прибыл султанъ съ отвѣтнымъ визитомъ, послѣ чего въ честь высокого гостя данъ былъ парадный обѣдъ.

8-го іюля, послѣ обѣда въ Ильдызъ-Кіоскъ, великий князь присутствовалъ на театральномъ представленіи въ томъ же дворцѣ. На слѣдующій день была прощальная аудиенція у султана; великий князь осматривалъ достопримѣчательности города, а вечеромъ далъ обѣдъ на «Ростиславѣ» въ честь делегатовъ султана. По случаю пребывания великаго князя въ Константинополь, между султаномъ и Государемъ Императоромъ состоялся обменъ сердечными телеграммами. 10-го іюля вечеромъ «Ростиславъ» покинулъ Константинополь при салютахъ артиллеріи съ блжжайшихъ фортовъ.

Посѣщеніе русскимъ великимъ княземъ Балканскаго полуострова можетъ служить вѣрнымъ признакомъ возрастающаго вліянія Россіи на Востокѣ.

Сусанна Крюгеръ. (Портр. на стр. 499.)

7-го іюля маститаго президента трансваальской республики, Крюгера, столь много пострадавшаго за послѣдніе годы, постигло новое тяжелое горе, на этотъ разъ семейное. Въ то время, какъ онъ живетъ вдали отъ родины, въ Европѣ, чтобы отстоять здѣсь дипломатическимъ путемъ свободу и независимость своей страны, за которую мужественно борется съ такою удивительною выдержкою его народъ, тамъ, въ Трансвааль, внезапно скончалась его супруга, въ теченіе 50 лѣтъ дѣлвшая съ нимъ всѣ радости и печали ихъ совместной жизни.

Сусанна Крюгеръ родилась въ 1834 г. отъ предковъ гугенотовъ, переселившихся въ южную Африку изъ Франціи послѣ отмены нантскаго эдикта. Преди эти принадлежали аристократической фамилии Дю-Плесси, родственной кардиналу Ришелье. Когда Сусанна Дю-Плесси приняла въ 1852 г. предложеніе фельдкорнета Крюгера сдѣлаться его женой, она сказала съ отличавшею ее простотою: «Я умѣю стряпать, шить и держать домъ въ порядкѣ». И дѣйствительно она всю жизнь заботилась добросовѣстно о вѣншемъ благополучіи своего мужа, но дала ему еще и несравненно больше: любящую душу, преданную по гробъ какъ ему, такъ и своимъ обязанностямъ, какъ матери и жены. Доброта ея сердца поражала всѣхъ, кто ее знавалъ: она всегда заступалась за всѣхъ несчастныхъ или обиженныхъ, кѣмъ бы они ни были.

Богъ благословилъ бракъ Крюгеровъ. У нихъ было 16 дѣтей, а со всѣми внуками и правнуками семья ихъ разрослась до ста слишкомъ человекъ. Изъ нихъ въ одной стычкѣ погибло 17 человекъ. Какой тяжелый ударъ для ея любящаго сердца и какъ ужасно, вообще, должна была на ней отразиться вся теперешняя война! Она потребовала безконечныхъ жертвъ, и въ довершеніе всего супруги должны были разстаться, жить наклонъ лѣтъ вдали другъ отъ друга, лишенные возможности утѣшать другъ друга въ теперешніе невыразимо тяжелые для нихъ дни.

Смерть постигла Сусанну Крюгеръ почти внезапно: она простудилась, схватила воспаление легкихъ и черезъ нѣсколько дней ей не стало. Даже враги отдають полную справедливость ея семейнымъ добродѣтелямъ и возвышенности ея души.

Пріѣздъ принца Адальберта прусскаго въ Петербургъ. (Рис. на стр. 499.)

Утромъ 6-го іюля пришло въ С.-Петербургъ и бросило якорь на Невѣ у Николаевскаго моста германское учебное судно «Шарлотта», неоднократно уже побывавшее въ столицѣ Россіи. На суднѣ прибыли въ сопровожденіи двадцати офицеровъ сорокъ девять кадетъ и среди нихъ—третій сынъ германскаго императора, семнадцатилѣтній принцъ Адальбертъ прусскій.

8-го іюля, во второмъ часу пополудни, принцъ тѣмъ же своей святой на яхтѣ «Нева» въ Новый Петергофъ. Прогрѣдывалъ въ придворномъ экипажѣ на дачу Государыни Императрицы Маріи Ѳеодоровны «Александрія», принцъ былъ принятъ Ея Величествомъ, затѣмъ проѣхалъ съ визитомъ къ великому князю Михаилу Николаевичу—въ Михайловку и къ великому князю Петру Николаевичу—въ Знаменку. После завтрака въ Большомъ Петергофскомъ дворцѣ германскіе гости въ пятомъ часу пополудни отбыли въ «Александрію», въ Новый Дворецъ, гдѣ они представлялись Государю Императору, послѣ чего отбыли изъ Александріи, а принцъ, пробывъ еще болѣе часа, въ седьмомъ часу откланялся Его Величеству.

10-го іюля, въ 11-мъ часу утра, Государь Императоръ и великіе князья Алексѣй Александровичъ и Михаилъ Николаевичъ посѣтили судно «Шарлотта», при чемъ Его Императорское Величество вручилъ принцу знаки ордена св. апостола Андрея Первозваннаго. Въ продолженіе этого дня принцъ дѣлалъ визиты членамъ Императорской Фамиліи.

12-го іюля принцъ Адальбертъ на яхтѣ «Нева» отбылъ изъ Петербурга въ Петергофъ. Съ пристани принцъ въ придворномъ экипажѣ прогнѣдывалъ на Императорскую дачу «Александрія», гдѣ былъ принятъ Ихъ Величествами Государемъ Императоромъ и Государыней Императрицей Александрой Ѳеодоровной. После завтрака у Ихъ Величествъ, откланявшись Августѣйшимъ Хозяевамъ, принцъ Адальбертъ прогнѣдывалъ на кронштадскій рейдъ. Здѣсь уже стояло прибывшее изъ Петербурга германское учебное судно «Шарлотта», которое приготовилось оставить съ разсвѣтомъ кронштадскій рейдъ.

Пріѣздъ сына императора Вильгельма къ Русскому Двору и радушный пріемъ, оказанный принцу Адальберту, служатъ новымъ доказательствомъ близкихъ и сердечныхъ отношеній, издавна существующихъ между Императорскими Домами двухъ великихъ сосѣднихъ державъ. При испытанномъ умѣнн германскаго императора упрочивать дружбу самыми деликатными пріемами, нельзя не смотрѣть на пріѣздъ принца Адальберта, какъ на симптомъ неизмѣннаго стремленія германскаго императора поддерживать съ сосѣдями самыя дружественныя отношенія.

М. И. Сухомлиновъ и И. Н. Ждановъ.

(Съ 2 портр. на этой стр.)

На прошлой недѣлѣ исторія русской литературы понесла двѣ тяжелыя утраты: 8-го іюля скончался академикъ Михаилъ Ивановичъ Сухомлиновъ, а три дня спустя, 11-го іюля послѣдовало за нимъ и академикъ Иванъ Николаевичъ Ждановъ.

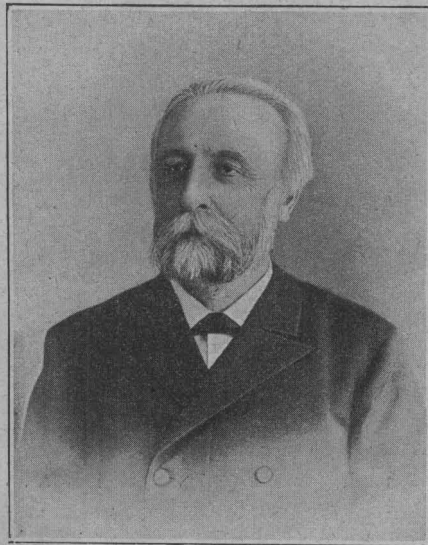
Многое связывало этихъ двухъ тружениковъ науки, посвятившихъ всю свою жизнь изученію исторіи родного слова. Они оба стояли въ сторонѣ отъ современныхъ литературныхъ злобъ и тѣмъ не менѣе даже лица, наиболѣе склонныя предаваться этимъ злобамъ, не могутъ обойтись безъ трудовъ этихъ двухъ ученыхъ, которые съ рѣдкою выдержкою изучали, собирали, комментировали материалы по исторіи русской литературы. Труды: «О литературѣ въ Россіи при Петрѣ Великомъ» и «Исслѣдованія и статьи по русской литературѣ и просвѣщенію» покойнаго М. И. Сухомлинова представляютъ собою такіе замѣчательные сборники матеріаловъ, что ни одинъ изслѣдователь не можетъ безъ нихъ обойтись.

Этихъ двухъ трудовъ было бы уже достаточно, чтобы причислить покойнаго М. И. къ числу ученыхъ, съ громадною пользою потрудившихся надъ разработкою исторіи русскаго слова, а къ этимъ трудамъ можно присоединить цѣлый рядъ другихъ, не менѣе основательныхъ, хотя и пользовавшихся менѣе громкою извѣстностью въ силу спеціальности затронутыхъ въ нихъ вопросовъ.

Ученныя заслуги покойнаго М. И. пользовались всеобщимъ признаніемъ какъ среди писателей, такъ и среди ученыхъ. Онъ состоялъ профессоромъ въ петербургскомъ университетѣ съ 1852 г., а 20 лѣтъ спустя, въ 1872 г. былъ избранъ и академикомъ, въ званіи котораго онъ состоялъ почти двадцать девять лѣтъ. Въ академіи покойный М. И. предсѣдательствовалъ въ отдѣленіи русскаго языка и словесности и во вновь учрежденномъ разрядѣ изыщной словесности.

Что касается Ивана Николаевича Жданова, то онъ профессорствовалъ съ 1879 года сперва въ Кіевѣ, а потомъ и въ Петербургѣ. Работы его посвящены преимущественно «русской поэзіи въ до-монгольскую эпоху». Подъ этимъ заглавіемъ и вышелъ капитальнѣйшій и обширнѣйшій его трудъ. Кроме того, онъ оставилъ послѣ себя «Матеріалы для исторіи Стоглаваго Собора». Работать безъ трудовъ покойнаго И. Н. въ области древней нашей литературы нѣтъ возможности, а между тѣмъ въ древней нашей поэзіи коренится новая и новѣйшая, и если многіе такъ равнодушно относятся къ древней нашей поэзіи, то это служитъ доказательствомъ, что они этого не понимаютъ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, что они относятся весьма поверхностно и къ новой нашей поэзіи.

И. Н. Ждановъ состоялъ также членомъ нашей академіи наукъ и скончался въ сравнительно цвѣтущемъ возрастѣ: ему было всего 55 лѣтъ въ то время, какъ М. И. Сухомлинову было уже за 70.

Академикъ М. И. Сухомлиновъ († 8-го іюля 1901 г.). Съ фот. авт. «Нивы».

Академикъ И. Н. Ждановъ († 11-го іюля 1901 г.). Съ фот. авт. «Нивы».